

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСТОЧНО ЛИТОВСКОГО КУРГАНА XIII ВЕКА С КРЕМАЦИЕЙ У Д. АШМЯНЕЦ

ЭДВАРД МИХАЙЛОВИЧ ЗАЙКОВСКИЙ

Курганная группа возле д. Ашмянец Сморгонского района Гродненской области расположена в 0,5 км на юго-восток от деревни, в лесу, за 0,01–0,06 км от края коренного правого берега реки Вилни, в урочище Могильник. Всего насчитывается 43 насыпи высотой от 0,4 до 1,2 м и диаметром от 3 до 10 м. Ровики вокруг курганов отсутствуют. Первым из археологов это место посетил в 1856 г. Константин Тышкевич, который описал расположенный по соседству сакральный валун (Tyszkiewicz, 1871, p. 117–122). Как сообщают местные жители, раскопки курганов проводились археологами в середине 1930-х гг. О курганах также упоминается в довоенной брошюре ксендза Ромуальда Дронича «Памятка из Жодишек Виленского воеводства» (Dronicz, б/г, р. 6). В советское время о памятнике забыли, и нигде в списках археологических объектов он не значился. Повторное открытие курганной группы произошло в 1999 году, когда местные краеведы А. Ф. Петровский и В. В. Прыхач передали автору некоторые вещи, обнаруженные в кургане школьниками. Поскольку при самовольных поисках один из самых крупных курганов был значительно поврежден ямами, пришлось его раскопать полностью.

Исследованный нами курган находился в северной части курганной группы, и имел высоту не менее 1,15 м, диаметр – 8 м, форма была полусферической. Насыпь состояла из желтого песка. Каменная обкладка отсутствовала, только внутри кургана на уровне горизонта лежало несколько небольших валунов. На уровне горизонта в разных местах прослеживались остатки кальцинированных костей и зольно-угольная прослойка, а также фрагменты керамики и металлические предметы. Судя по наборам вещей, в кургане было захоронено не менее 9 человек, в том числе 2 женщины (их погребения характеризуются отсутствием оружия, не считая ножей). Одно предполагаемое женское захоронение,

расположенное в юго-восточном секторе кургана, среди инвентаря имело серп, нож, ключ из цветного металла и очковидную подвеску. В 0,5–0,6 м на юг от этих вещей лежали 2 обломка витой шейной гривны. В другом женском захоронении, которое находилось в юго-западном секторе, лежали 2 браслета, 2 перстня, бусина из белой стекловидной массы и 2 бубенчика. В 1,5 м на юго-запад от этой женщины был похоронен, очевидно, мальчик-подросток, о чем свидетельствует небольшой размер перстня, из прочих находок были 2 ножа и топор. В остальных погребениях, как правило, кроме обязательных топора и ножей (нередко двух) обязательно находится наконечник копья. Характерное в этом отношении захоронение в северо-западном секторе, где обнаружены шпора, бритва, наконечник копья, кресало, маленькая спряжка, перстень с изображением свастики, 2 ножа. За 0,4–0,45 м от этого погребения выявлены еще одна бритва, нож и обломки керамики.

В разных местах кургана найдены фрагменты керамики, которые принадлежали не менее чем 10 сосудам. Два сосуда удалось реконструировать. Один горшок, подправленный на гончарном круге, имеет высоту 12,5 см и диаметр по венчику 12,6 см, стенки орнаментированы в верхней части насечками, которые образуют узор в виде «елочки», а внизу – подгоризонтальными прочерченными линиями (рис. 1:2). Второй горшок, высотой 11,8 см и диаметром 11,6 см, имеет на внешней поверхности волнистый орнамент, а на днище – крестовидное изображение (рис. 1:1). Сосуд относится к круговой керамике и по профилю венчика его можно датировать XII–XIII вв.

В кургане выявлена и такая редкая для территории Беларуси находка, как меч. По сведениям школьников, его обнаруживших, меч лежал вместе с топором и наконечником копья в северной части кургана. Длина меча – 95 см. Обнаруженный нами меч по форме близок мечам

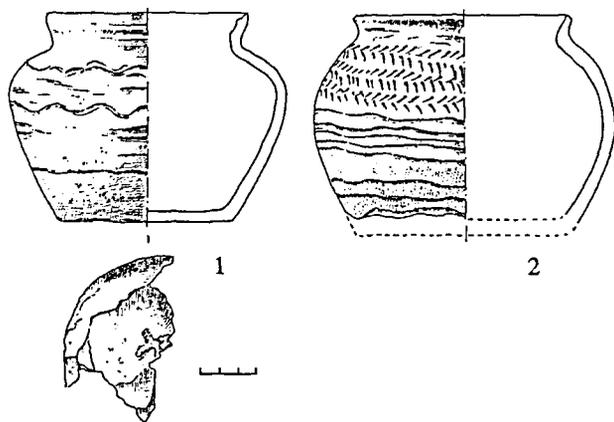

Рис. 1. Керамика из кургана у д. Ашмянец.

типа II (по А. Н. Кирпичникову) – с трехчастным набалдашником и несколько выгнутым перекрестием (рис. 2: 2). А. Н. Кирпичников датирует мечи этого типа XI – первой половиной XIII вв. и считает, что рукояти таких мечей возникли из рукоятей типов 8 и А местный. Самая восточная находка меча такого типа известна из села Воздвиженское бывшей Костромской губернии (Кирпичников, 1966а, с. 53–54, табл. XXII:2). Однако близкие аналогии рассматриваемому мечу имеются и в Прибалтике – среди мечей типа 2 (по классификациям Я. Петерсена и В. Казакиявичюса). По подсчетам В. Казакиявичюса, на территории балтских племен таких мечей обнаружено 17, из них 7 в Литве, 9 – в Латвии и 1 – в Пруссии. Немногочисленные мечи этого типа известны во всей Европе, однако более характерны для северной ее части. Центры их производства скорее всего находились в странах восточного побережья Балтийского моря. Согласно В. Казакиявичюсу, мечи типа 2 на территории балтских племен использовались в другой половине X–XIII вв. (Kazakevičius, 1996, p. 159–160).

Кроме меча, найден еще наконечник ножен меча (рис. 2, 3), с крестовидным выступом посередине и геометрическим орнаментом ниже (подтип Va по В. Казакиявичюсу). Такие наконечники найдены в 23 пунктах (Литва, Латвия, Пруссия и д. Гурковицы в Западной Беларуси). Производились они скорее всего на территории куршей в XI–XIII вв. (Kazakevičius, 1998, p. 329 рив. 37).

Среди прочего оружия выявлено одно навершие булавы (рис. 2, 1), которое имеет форму куба со срезанными углами (тип II по А. Н. Кирпичникову). Датируются такие навершия XII–XIII вв. и попадают на территории Украины при раскопках городов, погибших во время монголо-татарского нашествия, а также в Новгороде, Москве и крестьянских курганах возле Костромы, в

Латвии и Самбии (Пруссия), поскольку это был дешевый и широкодоступный вид оружия (Кирпичников, 1966б, с. 48).

Топоров найдено 7 экз. (рис. 3:2–8). Все они принадлежат к типу IVA, топоры этого типа А. Н. Кирпичников относит к универсальным (как боевого, так и рабочего назначения). Все они имеют оттянутое вниз лезвие, широко отходящие в стороны мысовидные выступы тыльных краев обуха вместо щекавиц. Датируются такие топоры XII–XIII вв. и, возможно, немного позже, хотя в

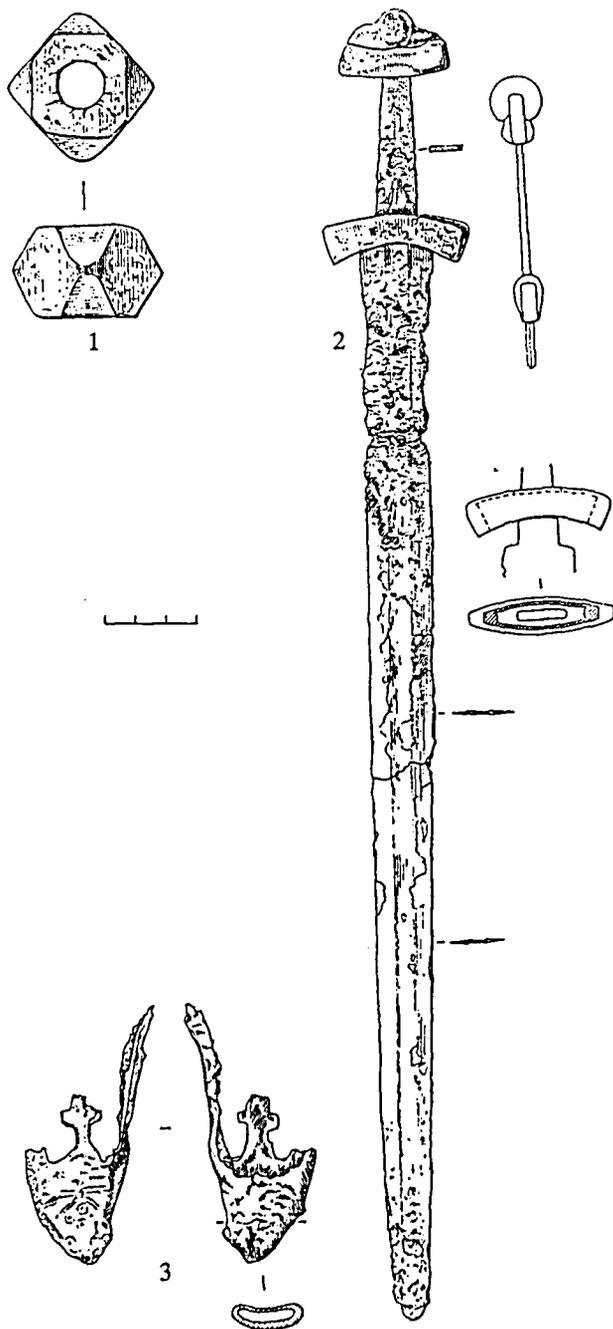

Рис. 2. Навершие булавы, меч и наконечник ножен меча.

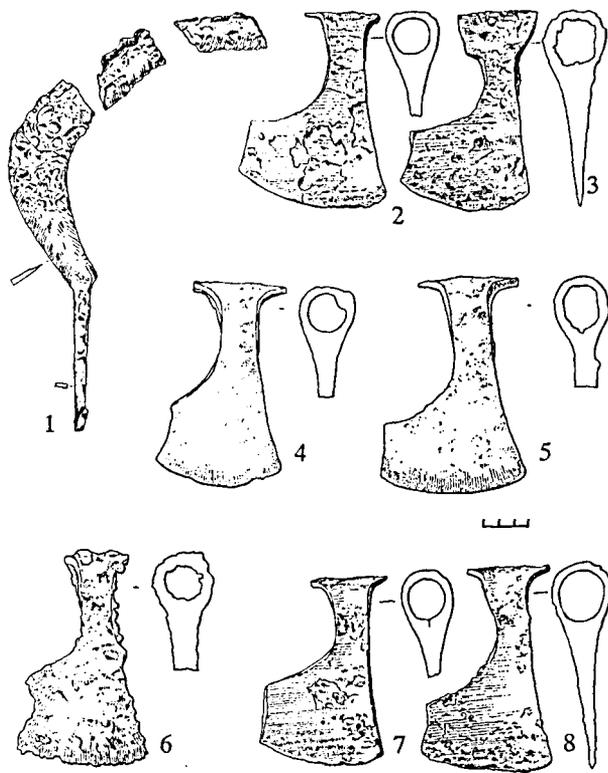

Рис. 3. Серп и топоры.

Польше и Прибалтике появились в X–XI вв. (Кирпичников, 1966б, с. 37). Ширина лезвия у найденных нами топоров – около 9,2–11 см, диаметр отверстий – около 2,8–3,2 см, длина топоров – от 15,3 до 15,9 см, вес – 0,75–0,9 кг. Если по диаметру отверстия топоры из Ашмянца почти не отличаются от боевых, то их вес более характерен для рабочих топоров. Скорее всего, выявленные топоры имели универсальное назначение.

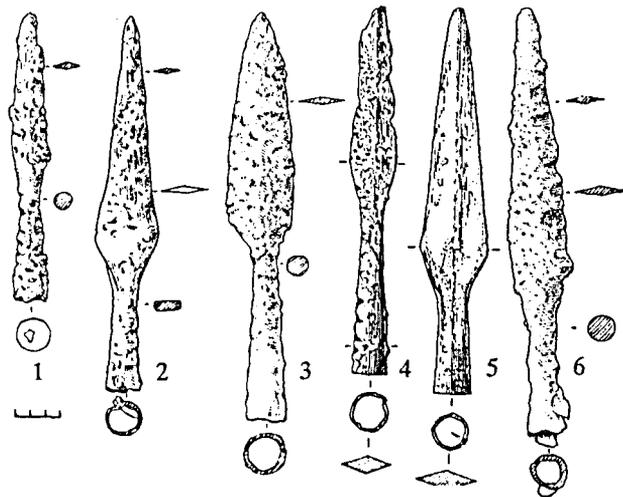

Рис. 4. Наконечники копий.

Наконечников копий имеется 6 экз. (рис. 4:1–6), у некоторых из них сохранился гвоздь для закрепления древка. По форме наконечники относятся к нескольким типам. Два из них (рис. 4:2, 5) относятся к типу III (по А. Н. Кирпичникову), отличительной особенностью которого является перо удлинненно-треугольной формы. Втулки довольно массивные и расширяются вниз. По мнению А. Н. Кирпичникова, копья удлинненно-треугольной формы могли являться как охотничьим, так и боевым оружием. Хронология таких наконечников очерчивается временем от IX до XII–XIII вв. (Кирпичников, 1966б, с. 12–16). Наконечник с наиболее широким лезвием в сущности принадлежит к рогатинам. Остальные наконечники имеют удлинненно-яйцевидную форму с закругленными плечиками, что переходит в невысокую тулью. Такие наконечники появляются в восточной Прибалтике в первой половине XI в., а в Западной Европе – около 1100 г. Как считает А. Н. Кирпичников, наконечники копий яйцевид-

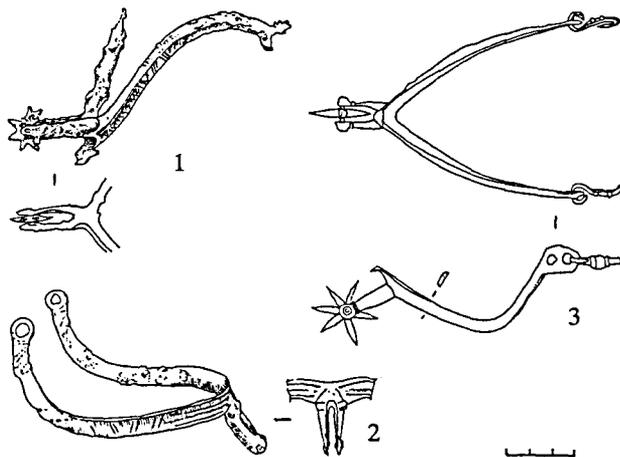

Рис. 5. Шпоры.

ной формы проникли к восточным славянам с северо-запада. В XII в. как разновидность этого типа появляются наконечники с пером лавролистной формы (тип IVA), у которых криволинейный изгиб края лезвия отличался большой плавностью и симметрией. В дальнейшем из копий типа IV A возникли рогатины (Кирпичников, 1966б, с. 14–15).

Найдены 3 шпоры со звездчатым колесиком (рис. 5:1–3). Тип дуги – плавный, петли шпор – типов V и VI (по А. Н. Кирпичникову). Петли последнего типа со сдвоенными отверстиями были наиболее удобными для жесткой обуви и служили для прикрепления разъединенных верхнего и нижнего ремешков. На дуге одной шпоры – продольные борозды, на другой – орнамент из перекрещивающихся насечек. У восточных славян шпоры со звездчатым колесиком появились около

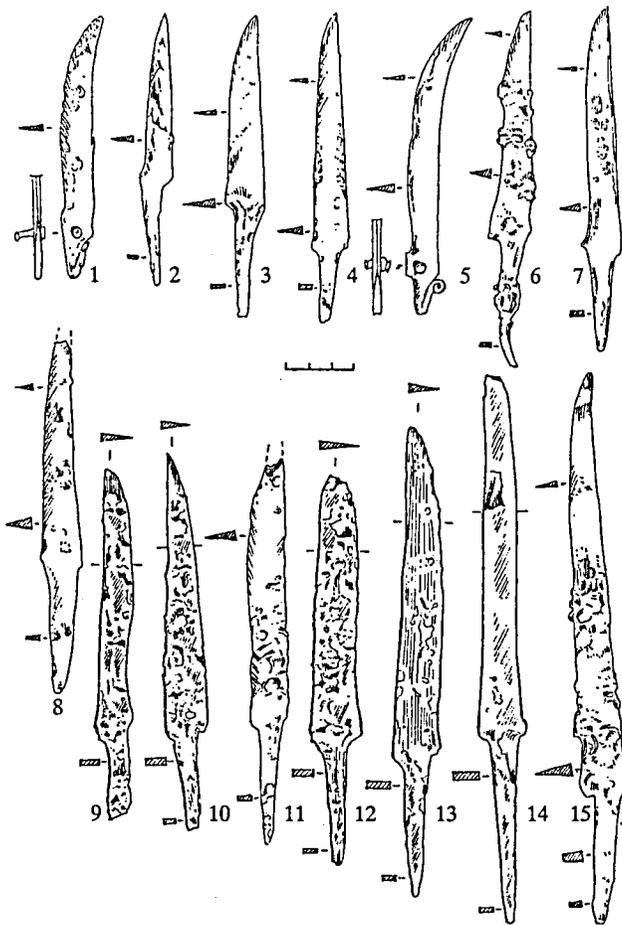

Рис. 6. Бритвы (1, 5) и ножи.

1220–1230 гг. и считаются наиболее ранними среди шпор этого типа в Европе (Кирпичников, Медведев, 1985, с. 319).

Среди металлических изделий насчитывается 2 бритвы и 13 ножей. Обе бритвы (рис. 6:1, 5) имеют плавные дуговидные лезвия и ручки в виде петли, и, судя по находкам в других местах, заключались в железные футляры, имевшие только две боковые стенки. В Новгороде такие бритвы находили в слое первой половины XIII в. Как отмечал Б. А. Колчин, в середине XIII в. на смену им появились бритвы иного типа (Колчин, 1959, с. 57; Хорошев, 1997, с. 18). Ножи (рис. 6:2–4, 6–15) все однолезвийные, имеют общую длину от 11,6 до 21,6 см, длина клинка – от 6,4 до 16,5 см. Несомненно, что большинство ножей имело универсальное назначение, и только самые длинные из них (рис. 6:13–15) являлись боевыми.

Из бытовых предметов найдены 5 железных кресал (рис. 7:16–20), при одном из них лежал кусок кремня (рис. 7:15). Кресала принадлежат к двум типам. Три кресала (рис. 7:16, 17, 20) – овальные, двухлезвийные, и, судя по новгородским

материалам, стали употребляться в первой половине XIII в., бытовали на протяжении XIV–XV, даже частично XVI в. Кресала другого типа (рис. 7:18, 19) – удлиненной формы, двухлезвийные, с круглыми отверстиями по краям внутреннего выема. Такие кресала в Новгороде появились в первой половине XII в. и перестали использоваться в середине XIII в. К изделиям из камня, кроме уже упомянутого куска кремня, принадлежат также бруски (рис. 7:12, 13). Металлические предметы быта представлены также железными: оковкой конца ремешка (рис. 7:10), обломком замка (рис. 7:14), кольцами (рис. 8:3, 4, 7, 8; рис. 9:15, 23–25), пряжками (рис. 8:2; рис. 9:14, 16, 27), 3 прямоугольными бляшками-накладками (рис. 9:9–11) и 5 круглыми накладками (рис. 9:17, 19–22), которые прикреплялись скорее всего на кожаную основу. Ключ из цветного металла (рис. 8:6) лежал в женском погребении и использовался, вероятнее всего, в качестве амулета. Медные или бронзовые бляшки-скорлупки полусферической формы (рис. 9:1, 2) посередине

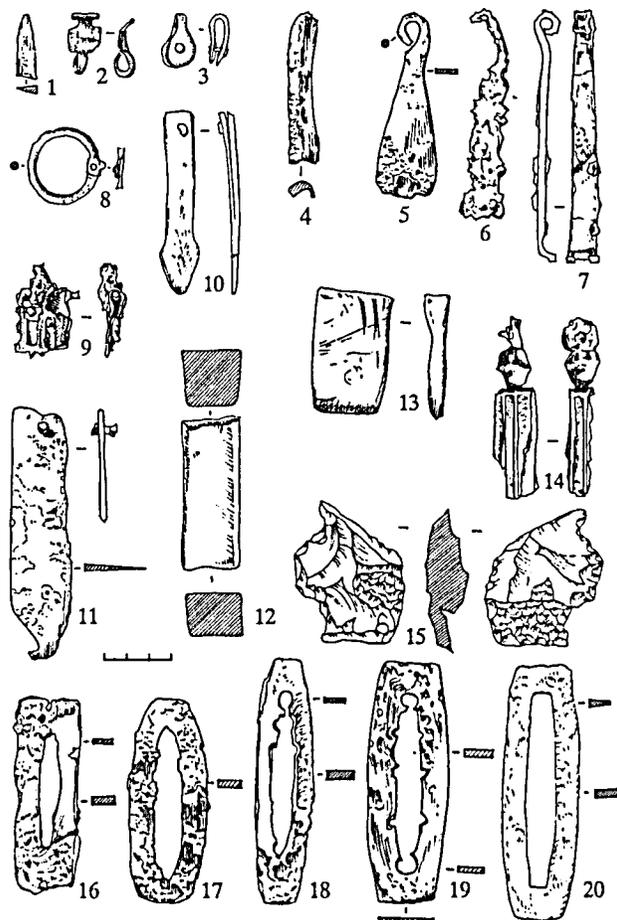

Рис. 7. Предметы быта (1, 2, 5, 7, 9–11, 14, 16–20 – железо; 3, 4, 6, 8 – медь или бронза; 12, 13 – камень; 15 – кремень).

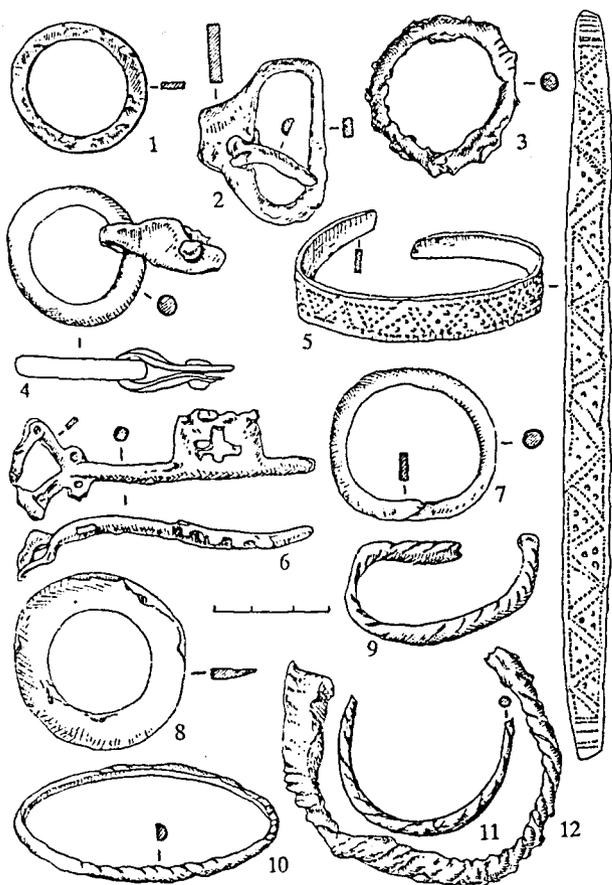

Рис. 8. Украшение и предметы быта (2-4, 7, 8 - железо, остальные - медь или бронза).

имели гвоздики и, видно, служили в качестве декоративных накладок. Два бубенчика (рис. 9:12-13) имеют грушевидную форму с крестовидными прорезями внизу, в одном сохранился металлический шарик, использовались они не только для утилитарных, но и для магических целей. В Новгороде также бубенчики датируются периодом от середины X до середины XII в. (Седова, 1981, с. 156). Два кольца сделаны из цветного металла (рис. 7, 8, рис. 8:1).

Украшения представлены перстнями, браслетами, очковидной привеской, а также обломками витой шейной гривны или браслета (рис. 8:9, 12) и бусинной из белой стекловидной массы (рис. 9:3). Браслетов насчитывается три. Один браслет (рис. 8:5) - ленточный, концы суженные, на внешней поверхности нанесен орнамент. От круглого в сечении витого браслета (рис. 8:11) сохранилась только часть. Еще один браслет частично ложновитой, внутренняя поверхность плоская, концы сомкнутые (рис. 8:10). Очковидная привеска (рис. 9:5) сделана из железа.

Перстней имеется четыре. Два из них относятся к дровтовым щитковосрединным (рис. 9:4,

7), на щитке одного перстня - изображение креста, на втором - свастика. Ложновитой двойной перстень (рис. 9:8) имеет аналогии не только в восточнославянских землях, но и в странах Балтии, Финляндии, Скандинавии, где датируются второй половиной XI-XIII вв. (Седова, 1981, с. 78). Еще один перстень (рис. 9:26) имеет плетеную среднюю часть и гладкие заходящие разомкнутые концы. В Новгороде такие вещи залегают в слоях от середины XII до середины XIV в. (Седова, 1981, с. 127).

При определении хронологии погребального инвентаря в целом следует иметь в виду, что кроме вещей с довольно широким хронологическим диапазоном бытования (от XI до XIII, даже XIV вв.), такие предметы, как навершие булавы и топора, имеют более узкую датировку - XII-XIII вв. Еще более узко нижнюю дату функционирования памятника очерчивают находки шпор со звездочковидными колесиками, которые в Восточной Европе появились около 1220-1230 гг. Верхний хронологический рубеж определяют находки двух бритв с петлеподобными концами, бытовавших до середины XIII в., и кресал с круглыми отверстиями

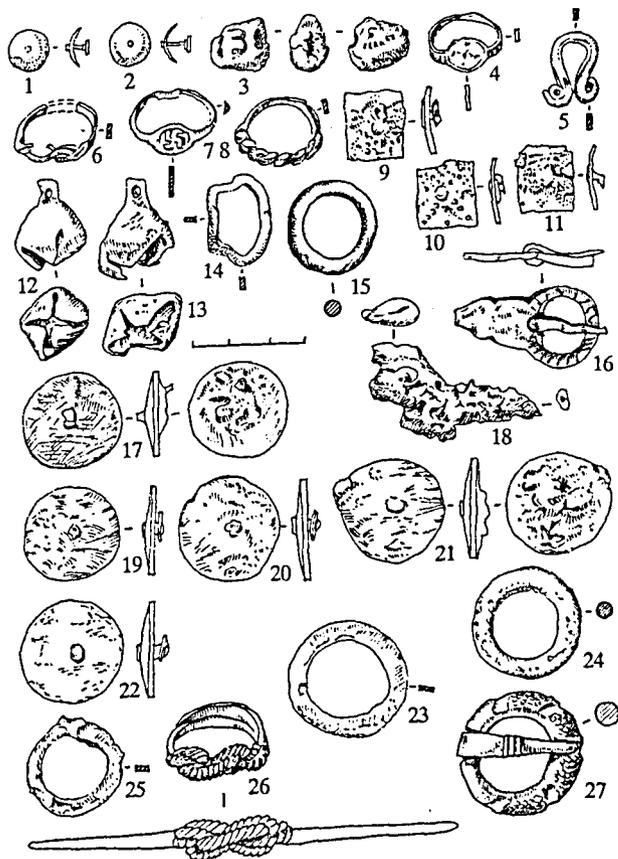

Рис. 9. Украшения и предметы быта (1, 2, 4, 6-8, 12, 13, 18, 26 - медь или бронза; 3 - стекловидная масса; остальные - железо).

по внутреннему краю, которые бытовали до середины XIII в. Таким образом, погребения в кургане могут быть датированы первой половиной (скорее – второй четвертью) или серединой XIII в. В крайнем случае, с учетом поправки на консерватизм традиций, верхнюю дату можно сдвинуть вверх еще на пару десятилетий. Архаичными выглядят бубенчики грушевидной формы, которые у восточных славян бытовали до середины XII в.

В вопросе об определении этнокультурной принадлежности погребенных в кургане следует исходить из того, что в XIII веке даже в наименее христианизированных уголках славянского мира обряд кремации нигде уже не существовал, он исчез на 2–3 столетия раньше. Исходя из расположения памятника, поиски аналогий возможны только у балтов. В частности, в Восточной Литве обряд трупосожжения бытовал еще и в XIV в., вплоть до официального принятия католицизма в 1387 г., а ранее был характерен для населения, оставившего курганы восточнолитовского типа. В ареал распространения таких курганов входила и территория современного Сморгонского района. Среди металлического инвентаря, найденного в кургане, из категории этноопределяющих вещей следует исключить оружие, поскольку оно распространялось вне зависимости от этнической принадлежности и довольно на большие расстояния от центров производства. Значительная часть украшений и бытовых предметов тоже достаточно

интернациональна. Характерным для населения Литвы до принятия христианства был обычай класть в качестве амулетов в женские погребения ключи. Ленточные браслеты с орнаментом в виде двойного зигзага также характерны для балтов. В отличие от славянских, балтские погребения насыщены оружием.

На данный момент считается, что курганы с трупосожжениями перестали возводиться в Восточной Литве в XII в. Но сам обряд кремации сохраняется до конца XIV в., что засвидетельствовано в летописях. Реальные погребения XIII–XIV вв. в ареале распространения курганов восточнолитовского типа, согласно Г. Забеле, ранее были известны в 6 местах. В трех из них выявлены грунтовые трупосожжения (безинвентарные): Гялгалай Молетайского района, Лепинишкес Утянского района Литвы и Козловцы Миорского района Беларуси. Грунтовые погребения этого времени с трупоположениями известны в уже упомянутых Козловцах, Пашевичах Браславского района, а в Литве – в Кярнаве–Кривяйкишкяй Ширвинтского района и в Вильнюсе на ул. Латако (Zabiela, 1998, p. 377).

Таким образом, в ареале распространения в раннем средневековье курганов восточнолитовского типа исследованный автором курган возле д. Ашмянец пока что является единственным, который датируется XIII столетием (публикации о результатах раскопок 1930-х годов на этом памятнике не известны).

ЛИТЕРАТУРА

Кирпичников А. Н., 1966а – Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Е1–36. Москва, Ленинград, 1966.

Кирпичников А. Н., 1966б – Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. Археология СССР. Свод археологических источников. Е1–36. Москва, Ленинград, 1966.

Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф., 1997 – Вооружение // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. Москва, 1985, с. 298–363.

Колчин Б. А., 1959 – Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 65. Труды Новгородской археологической экспедиции. Москва, 1959. Т. II, с. 7–120.

Седова М. В., 1981 – Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). Москва, 1981.

Хорошев А. С., 1997 – Ножи, бритвы, ножницы // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. Москва, 1997, с. 17–19.

Dronicz R., б/г. – Pamiątka z Żodiszek województwa Wileńskiego. Wilno.

Kazakevičius V., 1996 – IX–XIII a. baltų kalavijai. Vilnius, 1996.

Kazakevičius V., 1998 – Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavijo makštų galų apkalai) // Lietuvos archeologija. Vilnius, 1998. T. 15, p. 287–332.

Tyszkiewicz K., 1871 – Wilija i jej brzegi. Pod względem hydrograficznym, historycznym, archeologicznym i etnograficznym. Drezno, 1871.

Zabiela G., 1998 – Laidosena pagoniškoje Lietuvoje // Lietuvos archeologija. Vilnius, 1998. T. 15, p. 351–374.

XIII A. RYTŲ LIETUVOS PILKAPIO SU DEGINTINIAIS KAP AIS PRIE AŠMIANĖLIO KAIMO TYRINĖJIMAI

Edvardas Zaikovskis

Santrauka

1999 metais prie Ašmianėlio kaimo (Gardino sritis, Smurgainių rajonas) buvo pakartotinai kasinėta 43 pilkapių grupė, esanti netoli Neries upės šalia sakralinio riedulio. Joje buvo tyrinėtas vienas didžiausių pilkapių, kuriame rasta ne mažiau kaip 9 degintiniai kapai, aptikti ant pagrindo. Tarp įkapių rasta ne mažiau kaip dešimt žiestų indų šukių (pav. 1), daugybė metalo dirbinių: ginklų, buities reikmenų, papuošalų. Iš ginklų – kalavijas su makštų galų apkalu, buožės viršūnė (pav. 2), 7 kirviai (pav. 3:2–8), 6 ietigaliai (pav. 4), 3 pentiniai su žvaigždutėmis (pav. 5), 13 peilių (kai kurie jų koviniai) (pav. 6:2–4, 6–15); 2 skustuvai (pav. 6:1, 5) ir pjautuvai (pav. 3:1). Taip pat aptikta geležinių grandžių, dirželio apkaustas, skiltuvų su titnagu, apvalių ir stačiakampių apkaustų su kniedėmis (pav. 7), varinių ar bronzinių žvangučių, raktas-amuletas. Tarp papuošalų minėtini žiedai, apyrankių, antkaklės fragmentai (pav. 8–9). Nustatyta, kad du kapai greičiausiai yra moterų, o vienas – paauglio. Įkapės datuojamos XIII a. pirmąja puse arba viduriu, nors iki

šiol buvo manoma, kad Rytų Lietuvoje pilkapius pilti nustojo XII amžiuje.

ILIUSTRACIJŲ SARAŠAS

- 1 pav. Keramika iš pilkapiro prie Ašmianėlio kaimo.
- 2 pav. Buožės viršūnė, kalavijas ir kalavijo makšties antgalis.
- 3 pav. Pjautuvai ir kirviai.
- 4 pav. Ietigaliai.
- 5 pav. Pentiniai.
- 6 pav. Skustuvai (1, 5) ir peiliai.
- 7 pav. Buities reikmenys (1, 2, 5, 7, 9–11, 14, 16–20 – geležis; 3, 4, 6, 8 – varis ar bronzos).
- 8 pav. Papuošalai ir buities reikmenys (2–4, 7, 8 – geležis, kiti – bronzos).
- 9 pav. Papuošalai ir buities reikmenys (1, 2, 4, 6–8, 12, 13, 18, 26 – varis ar bronzos, 3 – stiklo pavidalo medžiaga, kiti – geležis).

Iš rusų k. vertė Inita Tamošiūnienė

INVESTIGATION OF THE 13TH CENTURY BARROW CONTAINING THE CREMATIONS IN THE EAST LITHUANIA NEAR THE VILLAGE OF AŠMIANELIS

Edvard Zaikovski

Summary

In 1999 near the village of Ašmianėlis in Smurgainiai region, Gardin area there was found repeatedly the group of barrows containing 43 barrows located not far from Neris river, near the sacral stone. There was investigated one of the biggest barrows. There were at least 9 cremations found on the bottom. Among the burial items there were found ten vessels made of clay (Fig. 1), also many iron artefacts: weapons, household articles, ornaments, the weapon belongings: a sword with the chape mace (Fig. 2), 7 axes (Fig. 3:2–8), 6 spearheads (Fig. 4), 3 spurs with a star-shaped spike (Fig. 5), 13 knives (some of them for battles)

(Fig. 6:2–4, 6–15), 2 razors (Fig. 6:1, 5) and sickle (Fig. 3:1). Among the household articles there were iron hooks, belt binding, strike-irons with a flint, rounded and rectangle bindings with rivets (Fig. 7), copper or bronze bells, a key-amulet. Among the ornaments there were notable rings, bracelets, fragments of neck-rings (Fig. 8–9). Two burials may be identified as belonging to female individuals and one as of a adolescent individual. The burial items dates to the first half or the middle of the 13th century despite it is presumed until now that the barrows of the East Lithuania are to be dated by those piled in the 14th century.

LIST OF ILLUSTRATIONS

Fig. 1. Ceramics from the barrow near the village of Ašmianėlis.

Fig. 2. Mace, sword and the sword chape.

Fig. 3. Sickle and the axes.

Fig. 4. Spearheads.

Fig. 5. Spurs.

Fig. 6. Razors (1, 5) and knives.

Fig. 7. Household items (1, 2, 5, 7, 9–11, 14, 16–20 – iron; 3, 4, 6, 8 – copper or bronze).

Fig. 8. Ornaments and household items (2–4, 7, 8 – iron, other – bronze).

Fig. 9. Ornaments and household items (1, 2, 4, 6–8, 12, 13, 18, 26 – copper or bronze).

Translated from Lithuanian by Rasa Tolvaišaitė

Dr. Eduardas Zaikovskis (Эдвард Михайлович Зайковский)
Инстытут гісторыі НАНБ,
вул. Акадэмічная 1, 220072, Мінск, Беларусь, тел. 284 28 89.

Straipsnis gautas 2001 03 16